

Калькирование языка и субъект-калька как формы трансгуманистической безответственности

Игорь Родин

Исследование выполнено в рамках проекта «Генеалогии
„алгоритмической рациональности“ в позднем СССР:
от кибернетической утопии к информационному обществу»
ИГИТИ им. А. В. Полетаева НИУ ВШЭ.

Игорь Родин. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия, ntooloose@gmail.com.

В статье рассматривается проблема калькирования родного языка с философской и психоаналитической точек зрения в разрезе алгоритмизации или кибернетизации человеческой культуры. Затрагивается вопрос трансформирующих в пространстве и времени взаимоотношений между телом и языком, содержание которых составляет понятие субъекта, и освещаются структурные характеристики, свидетельствующие о переходе субъекта в иное, новое топологическое качество «посредством» калькирования родного — в данном случае русского — языка. Корпоративная культура и потребление популярной переводной литературы и массового кинематографа в дубляже постоянно занижают ожидания от индивида в отношении родного языка, а значит, и в отношении личности как таковой, склоняя последнюю отказываться от «барочных излишеств» и перемещая символический ориентир из среды родной филологии и канонических культурных текстов в утопию «среднего арифметического» смыслообразования. Такой утопией выступает русский аналог разговорного американского английского, который упраздняет идиосинкратическое пространство языка (грамматическое, морфологическое, синтаксическое богатства), сопротивляющееся переводу и составляющее ядро культуры. С одной стороны, язык превращается в рудимент, балласт, а с другой — в орудие отчужденного (языка от тела) труда по обмену информацией. С тем чтобы выявить симптомы субъекта-кальки, утратившего органическую связь с родным языком и живой речью, обсуждаются замечания Жака Лакана на тему бреда и размышления Бориса Гройса о языковых патологиях, возникающих в результате взаимодействия современного субъекта с поисковой системой Google.

Ключевые слова: язык; субъективность; трансгуманизм; кибернетика; Жак Лакан; алгоритмизация культуры.

Я БЫ ХОТЕЛ представить рассуждение о субъекте и ответственности, отнюдь ему не внеположной, в разрезе трансгуманизма и судьбы языка в России. Изложенные ниже мысли составляют не социологическое исследование, но попытку определенным — философско-психоаналитическим — образом настроить оптику, которая сделала бы возможным исследовать трансгуманизм. Последний мы предлагаем трактовать не в качестве совокупности протезов, внешних по отношению к телу, имплантируемых хирургически и угрожающих якобы непреложной в своей очевидности целостности индивида, но как антропологический сдвиг на уровне самой структуры личности, под которой, в частности, лакановский психоанализ понимает тот или иной тип отношений между телом и языком. Ставший явным для многих распад языка, переориентация субъекта на быструю вспышку информации, представленную в максимально эффективной (а стало быть, максимально упрощенной) для восприятия форме, — упорно игнорируются как социальными науками, так и интеллектуальной конъюнктурой, которые оперируют понятием субъекта согласно с просвещенческим его прочтением.

Однако то обстоятельство, что для ответственности необходим субъект, не стоит считать трюизмом. В психоанализе ему отводится основополагающая роль, поскольку без-ответственный субъект — не желающий брать ответственность *на себя* и перекладывающий ее бремя на аналитика — для анализа не пригоден. В более глобальной перспективе данный аспект имеет двойное дно, которое сегодня более, чем когда-либо, позволяет нам задаться вопросом: а является ли безответственный субъект вообще субъектом? Или как минимум вынуждает нас делать определенные оговорки, когда мы оперируем понятием субъекта. Все это имеет непосредственное отношение к событию «вхождения» современного человека в язык и способам его в нем «пребывания».

В наши дни тему распада личности в разрезе дезинтеграции языка в том или ином виде уже затрагивал ряд философов (к примеру, Валерий Подорога и Виктор Ильин¹), поэтому мы на каком-то уровне всего лишь продолжа-

1. См.: Подорога В. Время чтения. М.: Канон+, 2022. С. 15–77; Ильин В. Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен. М.: Проспект, 2022.

ем бить в тот же колокол, — ведь сюжет этот отнюдь не раскрыт до конца. Касаясь такого феномена, как калькирование языка, указывающего на протекающие процессы алгоритмизации и кибернетизации человеческой культуры, мы лавируем возле тонкой грани, которая отделяет условного «нормального человека» от человека, лишенного родного языка как одной из упраздняемых черт человеческого. Оставляя за скобками не менее тяжеловесный вопрос о том, что из себя представляет нормальный человек, условно назовем носителя трансгуманистической Идеи, избавленного от пут культуры и языка, *постсубъектом*, в чьем лице компьютерный код как предел расформирования живого языка со всеми присущими ему просторами абсурда, юмора, поэзии, импровизации, частного и коллективного своеобразия, функционирует в качестве основополагающего принципа организации речи и мышления. Понятие культурного кода довольно точно отражает функцию, которую Лакан называет (большим) *Другим*, а именно систему смыслообразующих координат, к коей несводимы ни реальная речь, ни живой язык как таковые, ни то, от чего их пытаются очистить в пользу «эффективной коммуникации» современная маркетинговая онтология.

Именно ввиду своей формообразующей функции процесс этот тем не менее оказывается непрозрачным, отвлекая внутренний взор наблюдателя вездесущими репрезентациями в «жанре постмодерн». Постмодернизм же, рассыпавший себя по верхам культуры — по образам и формам — продолжает восприниматься в качестве внешнего явления, окружающего субъекта, в худшем случае находящегося в его власти, которую якобы можно свергнуть, приложив ментальные (читай: мнимые) усилия. Однако на фоне вышедших из-под контроля языковых игр и мерцания ничем не связанных между собой речевых и художественных форм не может не вызывать вопросы характерная для структуры постсубъекта способность увязывать воедино религиозное поклонение опытной науке, культ праздного мнения и насмешливо-меркантильный настрой в отношении мира и других людей.

Переводя сказанное выше в поле функции языка, отметим следующее: родной язык не является непоколебимой константой ни на общекультурном уровне, ни на уровне частного субъекта и может стать в буквальном смысле иностранным посредством замены и выхолащивания означаемых, под коими подразумевается онтологическая реаль-

ность, экзистенция человека и культуры как совокупность взаимопроникающих траекторий. Выражаясь схематично — то, что в психоанализе называется вхождением ребенка в язык, подразумевает диалектическое конституирование полюсов правды и лжи, прописанных в символических аналогах данных полюсов. Это означает буквально следующее: две реальности, разворачивающиеся перед ребенком, производящим в одном случае правомерное, в другом — запретное действие, расщепляются на означающие «да» и «нет», в которых концентрируется указанная полярность, прописываемая в пределе либо предоставлением полной свободы действий, либо безапелляционным пресечением оных. В произнесенном слове невротика, то есть условного нормального человека, по Лакану, заключено обязательство это самое слово в дальнейшем поддерживать или опровергать — что по сути одно и то же, поскольку правда и ложь являют собой единый механизм, в равной мере ориентирующий на подразумеваемые правила игры в субъективность². Речь идет не о чем ином, как о конституировании функции ответственности.

Интересным трамплином для дальнейшей дискуссии являются размышления Бориса Гройса о поисковой системе *Google*³. В обход общефилософских мы сразу сконцентрируемся на тех тезисах Гройса, которые напрямую касаются структуры современного пользования поисковой системой *Google*, то есть функционирования в пространстве означающих, если иначе, в поле наличествующей, потенциальной или отброшенной субъективности.

Google предполагает и кодифицирует полный распад языка и его замену множеством отдельных слов. Эта система оперирует словами, освобожденными от обычных правил языка, то есть от грамматики... человек перестает говорить в традиционном значении слова. Вместо этого он позволяет или не позволяет словам появляться в различных контекстах — абсолютно молчаливым, операциональным, экстра- и металингвистическим способом.

<...> Распад грамматики и освобождение отдельных слов делают все менее релевантной разницу между

2. Лакан Ж. Психозы // Семинары. М.: Гнозис/Логос, 2014. Кн. 3. С. 62–78.

3. Гройс Б. В потоке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 161–171.

«да» и «нет», между аффирмативной и критической позициями⁴.

На уровне банальной формальной логики сразу же всплывает психоаналитическая максима, в соответствии с которой в бессознательном, а в данном случае в пред- или внесубъективном не существует отрицания как напряжения между пресловутыми «да» и «нет» — бессознательное работает «по модулю». Отсюда вытекает то, что условный вес означающего измеряется не формой вербализации, а либидинальной заряженностью. К примеру, любовь не является антиподом ненависти. Антиподами являются аффективность, не важно, в форме любви или ненависти, и апатичность. Ввиду сказанного выше перефразируем сквозной вопрос: является ли субъектом говорящее животное, симптоматическим образом актуализирующее так называемые правду и ложь в форме одного и того же действия или одинаковым образом реагирующее на призыв к действию и запрет оного со стороны законодательной инстанции в частных и общих ее проявлениях — родителей, учителей, институций, государства, культуры в широком смысле слова? Если принять низведенную до уровня полной абстракции и презируемую постмодернизмом бинаризирующую функцию языка за фундамент, на коем зиждется условная нормальность, необходимо признать, что человек — чьи способы поддержки собственных слов, о которых говорит Лакан, противоречат означаемым, подразумеваемым им же самим в контексте тех или иных действий — в качестве субъекта устроен иначе. Калькирование, замещение произрастающих из толщи родного языка символических конструкций переводными шаблонами, а в пределе даже переход в режим переведенной речи — все это неизбежно нарушает органические связи с физической действительностью, с которой язык находится в эфемерной, трудно артикулируемой, но от этого не менее последовательной связи.

«Интернет-пользователь находится по ту сторону этого мира, поскольку он находится по ту сторону языка»⁵, — подытоживает Гройс. Однако, если интернет-пользователь находится по ту сторону языка, мы уже говорим не о субъекте, а об иначе устроенном существе, которое, с одной стороны, было избавлено от бремени смыслообразования, а с другой

4. Там же. С. 162–166.

5. Гройс Б. Указ. соч. С. 170.

стороны, по-прежнему впряжено в ярмо языка как такового. В этом смысле, к примеру, важно понимать разницу между романтизацией шизофрении, как она предстает у Делёза и Гваттари, и самой шизофренией; между обэриутством и супрематизмом, которые превращают язык форм и символов в козла отпущения, и аутизмом как «несостоявшейся встречей» с языком. Пристальность и настороженность, с которыми психиатрия, современная футуризм, следила за этой диверсией в поле языка⁶, происходила не из праздного интереса, но из пробуждения внутрикультурных антител, стремящихся обусловить лингвистическую деструкцию локальными вспышками безумия в противовес признанию того, что в лоне культуры стартовал глобальный процесс распада. Бдение имманентного и эксплицитного бюрократическо-политического *Другого* в России пережило постмодернизм как симптом западной культуры, однако постперестроечное вписывание русского языка в процесс свободного самоопределения означавших дало свои червивые плоды.

Цифровизация и кибернетизация языка, алгоритмически направленные требования к языку, а значит, к субъективности, буквализируют бинарные оппозиции как ядро сознания, доводя их до уровня двоичного кода и позволяя облегчить бремя языка и отбросить балласт двусмысленностей, парадоксальности, иными словами — поэтического в широком смысле пространства внутри языка. Язык превращается в средство эффективной коммуникации, в утопию кибернетики и постгуманизма, и за гуглообразным равенством слов, за алгоритмическим эгалитаризмом, на который указывает Гройс, он не узревает главного, а именно онтологического упразднения смысла. Весьма узкоспециализированным, филологическим образом он привязывает данный процесс не к определенному ходу развития человеческой цивилизации, а к художественному авангарду прошлого века, возвращая нас в лоно порочного круга, где в начале было Слово и к Слову же сводится бытие. Подобная позиция опасным образом граничит с обстоятельствами, в которых пребывает постмодернистский субъект, тот самый пользователь *Google*, для которого все слова невесомы, а стало быть, потенциально и де факто взаимозаменяемы.

Подытожим: рассмотрение логики *Google* как «вещи в себе» утаивает зерно культурологической герменевтики

6. См. об этом: Футуризм и безумие. М.: Цюлковский, 2019.

в худшем ее проявлении — той герменевтики, что обеспечивает себе безопасность, постулируя те или иные характеристики явления и обуславливая это духом времени и его диспозитивами, вырванными из контекста общей и локальной эволюции, подчас доводя уровень аргументации до тавтологии (так Гройс особо подчеркивает «малограмотность» алгоритмизированной системы). Произведенный им разбор подталкивает к заключению в духе постмодернистского конструктивизма: пользователь *Google*, неспособный связать разрозненные лексемы в синтаксически связное предложение, находится, дескать, в режиме перформанса, к которому в трансгуманистическом мире сведены как половая принадлежность, так и гендерная идентичность. Но о веб-пользователе Гройс умалчивает самое главное — вынужден ли тот сопротивляться радикальной редукции лингвистического плана или язык *Google* для него и есть родной язык? Язык, который он вынужден оборачивать в излишества в социальном поле, чтобы играть в субъекта... Сосредоточим внимание на последнем сценарии.

Будучи воспринятыми в свое время психоанализом в довольно общем ключе, понятия «вхождение в язык» и «Другой» требуют теперь предельной спецификации. Из чего сплетена сеть означающих, считываемых в качестве языка? Столь ли самоочевидна жизнеспособность языка — органического многоуровневого существа — в условиях реальности, агрессивно бинаризирующей механизмы человеческой культуры? Как бы то ни было, калькирование языка может быть опознано в ряду троянских коней внутрикультурной и межличностной путаницы: при сохранении внешних признаков — фонетического плана — семантический план языка отмирает за ненадобностью.

Виртуальная и мультикультуралистская реальности вкупе с ландшафтом потребляемых текстуальностей, трансформировавшимся до неузнаваемости, все сильнее деформируют связи между означающими, канонизируемые историческим процессом и пластом культуuroобразующих текстов. Исторический процесс и есть то самое обобщенное означаемое, которое начинает содержанием мертвую букву и ее реверберацию в эхо-камере. Именно в этом ключе понимает интертекстуальность психоанализ, что не отменяет буквалистской теории интертекстуальности, теории произвольных прямых цитат. И тем не менее таковы интертекстуальность субъекта-кальки, его речь, образ мыслей и, соответственно, картина мира.

Расхожая риторическая фигура, высмеивающая неудачный перевод как плод трудов *Google Translate*, лишь еще раз доказывает, что в каждой шутке есть только доля шутки. А вот ее остаток обнажает культурный процесс, набирающий обороты прямо у нас перед глазами: живая речь огромного количества людей звучит как текст, пропущенный через *Google Переводчик*, коллаж из произвольных цитат, имеющих опосредованное отношение к родному языку в его фундаментальном, корневом смысле. Вместе со связями между означающими, установленными временем, упраздняется «„сверхфактический“ модус бытия и смысла», по выражению Ларисы Мориной, — собственно сама возможность онтологизировать культурологию, к чему Морина призывает под эгидой целостного подхода к гуманитарной методологии⁷. Целостность может приписываться речи и субъективности по умолчанию: как ею «автоматически» обладает, будучи названа, груда камней, но, даже не угодив в воронку патанатомички культуры — филологии, исследование отдельных срезов субъективности, чтобы достичь успеха, внутри этой груды должно выделить своего рода «композиционные» или же структурные точки отсчета.

Рассматривая современного субъекта постмодерна, субъекта «после смерти субъекта» или постсубъекта, мы вынуждены напрямую ассоциировать его с тем, что Лакан приписывает психотику. Психоанализу потребовались целые десятилетия на то, чтобы в полной мере набраться смелости и признать психоз не просто одним из «нежелательных» исходов субъективации, но протоструктурой, из которой при определенном стечении структурирующих, фантазирующих и сублимирующих обстоятельств может выйти субъект. Процесс субъективации не просто допускает собственную обратимость, но предельно проблематизирует субъекта, на которого культура продолжает ссылаться как на самую собой разумеющуюся данность.

В упомянутом семинаре Лакана, посвященном психозам, прорабатывается весьма полезное для нынешней реальности произвольного цитирования понятие вербальной галлюцинации. Формальное определение вербальной галлюцинации — то есть бреда — незамысловато: субъект артикулирует то, что ему слышится. Однако в эпоху иммерсивной виртуальности и конституирующей технопротезирован-

7. Морина Л. Целостный дискурс: легитимация социокультурной реальности // Вестник СПбГУ. 2016. № 1 (17). С. 129–135.

ности субъекта следует отказаться от карикатурного образа сумасшедшего в смиренной рубашке, слышащего голоса изнутри собственной распадающейся субъективности. Теперь уже голоса, доносящиеся из динамиков или наушников, отождествляются с реальностью и с собственным Я вместо того, чтобы с ними сопоставляться, а стало быть, происходит слияние пресловутых Я и Оно. Именно так чаще всего выглядит галлюцинация в тишине, давящей на хрупкую психику, которая подчас может быть заполнена неожиданными звуками, — в эпоху интернета, дублированного перевода, упрощенной версии языка, склоняющей нас к отказу от морфологических, стилистических и лексических излишеств при переводе в угоду подстрочнику, а его источник вытесняет Другого со сцены.

В том же контексте вербальной галлюцинации Лакан обращает внимание на два явления, имеющие прямое отношение к калькированному языку. Потенциально бредовы, по Лакану, искусственные языки и неологизмы. Разъясним: искусственный язык — его Лакан называет беспомощным — создается исходя из утилитарных потребностей тела-носителя, а значит, вполне естественным образом следует пути наименьшего сопротивления, обходясь как можно меньшим количеством фонем, синонимов, прилагательных, глаголов и частей слова. Для накопления языком всех этих слоев требуется то время, которое нужно для становления культуры, поэтому высказывание Бодрийяра об «Америке», которая отбрасывает примитивизирующую тень на современный язык и даже не антикультурна, но вообще не образует культуры в привычном для Европы смысле⁸, необходимо отнести в том числе и к лингвистическому плану. В свою очередь, неологизм указывает не на формально заимствованное слово, а на трансформирующую функцию означающего, которую оно вообще играет в языке и речи конкретного субъекта. К примеру, в прибегании к французскому языку русскими аристократами заложен фундаментальный механизм, который делает употребление слов на иностранном языке нерядовым, выстраивая через это определенные отношения с родным языком и, следовательно, с самим собой. Этот механизм, следовательно, включает в себе этическое измерение. И наоборот, в японском языке, к примеру, для неологизмов «выделен» отдельный алфавит катакана, который разграничивает свое и чужое по крайней мере на фор-

8. См.: Бодрийяр Ж. Америка. СПб.: Владимир Даль, 2000.

мальном уровне, не позволяя лингвистического «кровосмешения» в письме.

И аспект сконструированности, и феномен неологизма синонимичны языку-кальке, сигнализируя в пространстве живой речи современных (особенно молодых) людей о глубоких структурных изменениях. Принимая обличье не то теории маркетинга, не то популярной психологии, трансгуманистическая онтология сталкивается с неизбежностью речи, необходимостью говорения как с никогда не растворяемым остатком чистой, эффективной коммуникации. Сцены межличностного и в широком смысле социального взаимодействия все еще являются порождением того символического порядка, чья опора — праксис вербального взаимодействия, который выводит субъекта по ту сторону целесообразности (читай: эффективности). Сублимация и творчество, коллективная со-бытийность не могут быть эффективны в том смысле, в котором мыслит эффективность кибернетика. Чем более эффективна речь, тем меньше времени ей требуется для сообщения и тем более фрустрирующим для постсубъекта фактором это вездесущее время становится, поскольку заполнение времени речью становится тягостным.

Трагедия языкового бремени отражена в творческой судьбе Сэмюэля Беккета, обозначенной Анатолием Рясовым в качестве пути вычитания⁹ — вычитания из себя прошлого, традиции, а в конечном итоге самой словесности. Обобщая то, что Рясов говорит о Беккете, можно прийти к заключению: трагедия постсубъекта лежит в принципиальной невыполнимости задачи полностью абстрагироваться от языка со всем его балластом. И тем не менее частичным решением проблемы речи, уличенной в антикоммуникабельности, которую поставил абсурдизм, в том числе в лице Беккета, является отказ от полюсов, напряжение между которыми склоняет чашу вербально-семантических весов в ту или иную сторону, а субъекта речи — к несению ответственности за сказанное. Отказ этот подразумевает переход в режим чистого наслаждения речью, а значит, в режим центростремительного истончения языка. Реальность, в которой язык, а значит, и его носитель, не отвечает за смысл и за последствия сказанного, исключает категориальные и смысловые разногласия, тем самым претворяя в жизнь дистопический для культуры универсальный язык, о котором мечтал Лейбниц.

9. Рясов А. Беккет: путь вычитания. СПб.: Jaromír Hladík press, 2021.

Библиография

- Бодрийяр Ж. Америка. СПб.: Владимир Даль, 2000.
- Гройс Б. Е. В потоке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Ильин В. В. Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен. М.: Проспект, 2022.
- Лакан Ж. Семинары. М.: Гнозис/Логос, 2014. Кн. 3: Психозы (1955–1956). С. 62–78.
- Морина Л. П. Целостный дискурс: легитимация социокультурной реальности // Вестник СПбГУ. 2016. №1(17). С. 129–135.
- Подорога В. А. Время чтения. М.: Канон+, 2022.
- Рясов А. В. Беккет: путь вычитания. СПб.: Jaromír Hladík press, 2021.
- Футуризм и безумие: сб. М.: Циолковский, 2019.

Calquing within Language and Subject-Calque as Forms of Transhumanist Irresponsibility

Igor Rodin. National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia, ntooloose@gmail.com.

In the proposed article I will address the issue of calquing in the Russian language from a philosophical/psychoanalytical point of view and from that of algorithmization/cybernetization of the human culture. I will touch upon the problem of interrelationship between body and language, which underlie subjectivity and transform in space and over time. I will try to highlight structural characteristics indicative of subject's transition to another, post-anthropological quality "by means of" calquing of one's mother tongue. Corporate culture and the consumption of popular translated literature in a simplified language and dubbed mainstream films keep diminishing expectations from an individual in relation to his mother tongue and, hence, to one's personality as such, while making the latter giving up on "baroque extravagances" and shifting one's symbolic reference points from within the philology of one's mother tongue and canonical cultural texts to a utopian "arithmetic mean" of sense-production which eliminates the idiosyncratic space of language as that which opposes translation and comprises the core of culture. On the one hand, language turns into a rudiment, a dead load, while on the other hand – into an instrument of an alienated labor of information exchange, while representing a fundamental cultural phenomenon the problematics and meaning of which I will debate here. In an attempt of exposing the symptoms of subject-calque having lost organic touch with the mother tongue and the living speech, I will turn to Jacques Lacan's comments on the phenomenon of delusion, as well as to Boris Groys' thoughts regarding the linguistic pathologies emerging as a result of contemporary subject's dealing with the search engine Google.

Keywords: *language; subjectivity; transhumanism; cybernetics; Jacques Lacan; algorithmization of culture.*

DOI 10.58186/2782-3660-2022-2-5-111-123

References

- Baudrillard J. *Amerika* [Amérique], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2000.
- Futurizm i bezumie: sb.* [Futurism and Madness: Collected Papers], Moscow, Tsiolkovskii, 2019.
- Groys B. *V potoke* [In the Flow], Moscow, Ad Marginem Press, 2018.

- Ilyin V.V. *Filosofiya krizisa. Chelovechestvo na poroge katastroficheskikh peremen* [The Philosophy of Crisis: the Self-Consciousness of Humanity in the Era of Catastrophic Changes], Moscow, Prospekt, 2022.
- Lacan J. *Seminary* [Le Séminaire], Moscow, Gnozis, Logos, 2014, bk. 3: *Psikhozy (1955–1956)* [Les psychoses (1955–1956)], pp. 62–78.
- Morina L.P. Tselostnyi diskurs: legitimatsiya sotsiokul'turnoi real'nosti [Integrity Discourse: Legitimation of Social and Cultural Reality]. *Vestnik SPbGU* [Vestnik SPbSU], 2016, № 1 (17), pp. 129–135.
- Podoroga V.A. *Vremya chteniya* [The Time of Reading], Moscow, Kanon+, 2022.
- Ryasov A.V. *Bekket: put' vychitaniya* [Beckett: The Path of Subtraction], Saint Petersburg, Jaromír Hladík press, 2021.